

Человек: пол неизвестен,
а род мужской, и это не сексизм*

© И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

3

Род как характеристика сочетаемости свойств существительных представлен во всех славянских и подавляющем большинстве индоевропейских языков. Это позволяет предполагать, что в древнейшие времена с родом были связаны какие-то содержательные представления людей о жизни. Эти представления по мере развития общества утратились, что приводило либо к почти полной утрате родовой характеристики, как, например, в современном английском языке, либо к упрощению системы родов до двух членов, как, например, в современном французском или испанском. Однако даже оказавшись семантически опустошенной, сохраняясь лишь как сочетаемость особенность, характеристика слов по роду сохранила свою содержательную

* Окончание. Начало см. Русская речь. 2017. № 1.

ассоциативную ценность в фольклоре, песнях и загадках, баснях и притчах и даже в современной поэзии, т.е. во всех тех типах текстов, которые представляют собой не только информацию о «положении дел», но апеллируют к чувствам, настроению, ассоциативным моментам в восприятии читателя/слушателя. Вспомним хотя бы популярную и сегодня песню о качающейся «тонкой рябине, что стоит, головой склоняясь до самого тына», и о высоком дубе, что «через дорогу, за рекой широкой стоит также одинокий». Ясно, что песня эта отнюдь не пейзажная зарисовка, а горестный рассказ о несчастной женской (*рябина* — слово женского рода) и мужской (слово *дуб* — мужского рода) судьбе.

Многие исследователи обращали внимание на то, что в лермонтовском переводе стихотворения из Гейне в подобной же ситуации говорится о сосне (*«на севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна»*) и пальме (*в пустыне далекой, в том крае, где солнца восход, одна и грустна на утесе горячем прекрасная пальма растет*), где оба существительных женского рода. В немецком оригинале речь идет об *ein Fichtenbaum* (слово мужского рода) и *die Palme* (слово женского рода). Таким образом, Лермонтов, в отличие от Гейне, говорит не о разлуке влюбленных, но о разобщенности и взаимном непонимании людей вообще.

В русских народных сказках и пословицах фигурируют вместе *лиса* и *журавль*, *журавль* и *цапля*, *кувшин* и *вода*, за которой тот повадился ходить. При этом лиса обычно выступает как носитель женского начала (в отличие, например, от немецкого фольклора, где фигурирует непривычный для нас лис, обманщик и хитрец). А медведь и волк в русских сказках — обычно носители мужского начала. И в популярной басне, переведенной Крыловым, выступают беспечная и веселая стрекоза (слово женского рода!) и трудолюбивый, обстоятельный, хотя, быть может, и несколько занудный муравей (слово мужского рода). И лук в качестве отгадки к загадке «сидит дед в семь шуб одет, кто его раздевает, тот слезы проливает» родом слова для его обозначения объясняет, почему же он «дед». Как и морковь в загадке «сидит девица в темнице, а коса наружу» потому девица, что слово *морковь* — женского рода. Вспомним также о том, что Русь — это матушка, как и Волга, а Енисей — батюшка, как и Байкал, а непокорная беглянка Ангара, согласно легенде, это дочь и невеста.

Подобные совмещения мужского рода слова и «мужчина» (по значению этого слова) и женского рода слова и «женщина» (по значению этого слова) нередко выступают не только в приведенных примерах ассоциативных связей. Такое совмещение обычно и в таких важнейших противопоставлениях, как *отец* — *мать*, *брат* — *сестра*, *сын* — *дочь*, *дедушка* — *бабушка* и др. Однако подчеркну еще и еще раз, такие «совпадения» между родом как сочетаемостной характеристикой

слова и полом как семантической характеристикой существа, обозначенного этим словом, никак не меняют фундаментального положения, противопоставляющего род и пол. Род — сочетаемостная характеристика слова. Пол — сущностная характеристика человека или животного. И путать род и пол так же недопустимо, как путать число и цифру или букву и звук.

4

Итак, обычно в процессе чтения или понимания со слуха проявляющийся в тексте в формах связанных слов род существительных следует принимать во внимание лишь при существительных общего рода (*неряха, разиня, соня* и т.п.) и неудачливых «кандидатов в общий род» (*декан, хирург, президент* и т.п.). Во всех других случаях родовую принадлежность можно просто игнорировать, кроме тех случаев, когда мы интерпретируем в целях глубокого понимания художественный текст, особенно поэтический и/или фольклорный.

Совсем по-другому выглядит ситуация в том случае, если посмотреть на нее с позиций говорящего или пишущего, т.е. с позиций не интерпретатора уже имеющегося текста, но с позиций его создателя. Здесь возникают две принципиальные трудности. Первая заключается в том, что производитель речи сомневается в родовой принадлежности некоторых слов (*тюль, мозоль, жалюзи, авеню, ГИБДД* и др., т.е. «обычные» оканчивающиеся в словарной форме на мягкий согласный, заимствования с исходом на гласный, некоторые аббревиатуры). Очевидно, что тривиальный совет в этих случаях — это обращаться к словарям. Однако этот совет по разным причинам не всегда эффективен, в частности, из-за расхождений между словарями и даже из-за отсутствия некоторых новейших слов в словарях. В связи с этим я рекомендовал бы никогда не забывать о выигрышном положении говорящего и пишущего. Он сам может выбрать средства для самовыражения. Напомню в связи с этим слова Д. Э. Розенталя: «Если вы не знаете, как следует писать слово *здесь*, пишете *тут*».

Никто не заставляет говорящего или пишущего соединять существительные, чья родовая принадлежность вызывает его сомнения, с теми другими словами (прилагательными, причастиями, личными формами глаголов прошедшего времени), которые непременно выявляют неясную для автора родовую характеристику. Например, сомневаясь в выборе *черное кофе* и *черный кофе*, можно попросить *чашечку черного кофе* (родительный падеж позволяет уклониться от неприятного выбора), *кофе эспresso (по-турецки)*, употребив несклоняемое прилагательное или наречие, или просто *кофе без молока (сливок)*.

Вторая трудность, которая может возникнуть перед говорящими/пишущими, связана уже с соблюдением норм литературного языка,

нарушение которых не влияет на взаимопонимание, однако не добавляет симпатий к производителю речи со стороны грамотного читателя/собеседника. Речь идет о непременном желании обозначить пол лица или животного или, напротив, уклониться от такого уточнения. Как следует из предшествующих рассуждений, в русском языке действуют весьма разнообразные средства, предназначенные для обозначения пола живого существа (форма согласуемых и связанных слов, разнообразные суффиксы, участвующие в разнонаправленной деривации и нередко осложненные оценочным компонентом, отсутствие некоторых общепринятых обозначений, индивидуальные лексические корреляты). Неуверенность относительно правил использования этих средств должна непременно напомнить говорящему/пишущему о его свободе при совершении речевых поступков. Именно в силу этой свободы легко исполнить желание сообщить о поле лица, просто добавив к своему высказыванию соответствующую информацию: *декан, обаятельная женщина (суховатый старичок); Мария Петровна (Иван Сергеевич) невежда; хирург Николаев (Анна Петровна Бойко)* и т.д. и т.п.

То же самое относится и к животным, где в качестве универсального обозначения могут выступать слова *самец* или *самка*, хотя их сочетания, например, с *кошка* или *собака* звучат несколько странно. Здесь можно рекомендовать многозначительное, а не просто анафорическое употребление местоимения *он* (для живых существ мужского пола) и *она* (для живых существ женского пола). Напомню, что возможностью замены обоими местоимениями в зависимости от пола лица обладают также и некоторые слова, обозначающие лиц (*учитель, директор, врач, хирург* и др.).

МГУ им. М. В. Ломоносова